

© Братерский М.В.¹

Введение. «Фотография» Европы в движении

Аннотация. Данная статья предваряет собой тематический выпуск журнала «Актуальные проблемы Европы», посвященный перспективам развития Европы, – как с точки зрения самих европейцев, так и с точки зрения внешних наблюдателей. В предлагаемом выпуске рассматриваются как общие вопросы внутренней и внешней политики Евросоюза в целом и ключевых стран-участниц объединения, так и конкретные вопросы, связанные с проблемами безопасности, внедрением искусственного интеллекта, развитием оборонных технологий, отношениями Европейского союза с Великобританией и Соединенными Штатами Америки.

Как часто бывает, сами европейцы представляют себе ситуацию, складывающуюся для Европы, гораздо более позитивно, чем внешние наблюдатели. Из представленных материалов видно, что внешний мир ставит строительство будущих отношений с Европейским союзом в зависимость от способности объединения преодолеть насущные экономические и политические проблемы.

При этом сами европейцы достаточно энергично ищут пути преодоления нынешних проблем и пытаются реализовать новые идеи в области экономического развития, технологического роста, а также активно стремятся к наращиванию своей военной мощи и увеличению своего международного влияния.

Ключевые слова: Европейский союз, внутренняя и внешняя политика ЕС, экономическое развитие, Россия, США.

---

¹ Братерский Максим Владимирович – доктор политических наук, профессор, Департамент международных отношений, НИУ ВШЭ.

Без всякого преувеличения можно сказать, что последние несколько столетий мировой истории прошли под знаком триумфа Европы – ее военного, экономического, научного, культурного торжества. Европа доминировала практически во всех регионах мира, формировалась и контролировала мировую политическую и экономическую системы. Разумеется, Европа выступала не как единый организм, и роль гегемонов в разное время брали на себя отдельные страны – Испания, Франция, Англия, – но все они так или иначе были частью Европы и ассоциировались с ней.

Лишь в XX в. Соединенные Штаты (и отчасти Советский Союз) потеснили мировые позиции Европы, но поначалу многие рассматривали США просто как продолжение европейского проекта. С учетом же глобального противостояния двух систем идея европейской гегемонии быстро сменилась на идею гегемонии «коллективного Запада», и, с точки зрения большинства наблюдателей, в мировой расстановке сил особых перемен не произошло.

Вместе с тем в конце 1940-х – начале 1950-х годов совершилось первое крупное отступление Европы с глобальных позиций: европейцы лишились своих колоний (чему, кстати, активно содействовал не только СССР, но и США), и это подорвало экономическую базу Европы. Главной силой мировой валютной системы окончательно стал американский доллар, хотя де-факто он играл главенствующую роль в международных расчетах и использовался как резервная валюта уже с конца 1930-х годов.

Постепенно была сведена к абсолютному минимуму система европейских военных баз за рубежом (английских, французских, голландских, португальских). Была создана система глобального управления, к участию в которой пригласили лишь двух бывших грандов – Великобританию и Францию, – да и то в роли полу-вассалов Соединенных Штатов. Восточная периферия была отторгнута от основного тела Европы и на несколько десятилетий поставлена под контроль другого geopolитического центра. За очень короткое время Европа «сжалась» – из гигантской агломерации глобальных империй она стала одним из мировых центров, вполне сравнимым с США, СССР и стремительно растущей Японией.

Европа справилась с новой ситуацией, используя свои преимущества: трудолюбивое и образованное население, накопленные богатства и систему неоколониальной эксплуатации бывших колоний, которую она быстро выстроила (в этом США европейцам

не препятствовали). Существенным фактором формирования новой послевоенной Европы оказался советский проект, который парадоксальным образом дал европейцам новый шанс. Чтобы противостоять советскому социальному государству, европейские страны выстроили свои социальные государства, что сразу сказалось на уровне жизни европейского населения, а также резко повысило международный авторитет Европы и привлекательность европейского проекта в глазах иностранцев. Чтобы противостоять советской военной машине, был сформирован блок НАТО, в рамках которого основную долю расходов на оборону Европы от СССР чудесным образом взяли на себя американцы, освободив европейские экономики от бремени чрезмерных военных трат. Свершилось германское экономическое чудо, другие экономики Европы также хорошо развивались, уровень жизни европейцев неуклонно возрастал.

В целях дальнейшей политической и экономической консолидации и для того, чтобы вернуться на мировой олимп, европейцы продолжили свой интеграционный проект и вывели его на новый уровень. Постепенно концепция европейского объединения как суммы суверенных государств уступала место концепции единой Европы, своего рода «мега-государства»: по мысли сторонников такого подхода, это должно было укрепить международные политические позиции Европы, обеспечить ей внутреннюю стабильность и дать европейцам экономические преимущества в рамках закрытого регионального блока. Со временем европейский интеграционный блок, стремясь удовлетворить свои растущие геополитические и идеологические амбиции, стал расширяться, поглощая новые территории, которые прежде либо были самостоятельными (как бывшая Югославия), либо входили в зону влияния других центров силы (прежде всего – Российской империи в ее разных ипостасях). Поскольку расширение ЕС шло параллельно с расширением НАТО, то структура безопасности на континенте начала меняться в ущерб безопасности соседей ЕС, прежде всего – России.

Вместе с тем «счастливые» 1970–1980-е и особенно 1990–2010-е годы, когда в оборот вовлекались (растаскивались) экономики и ресурсы бывших стран советского блока, закладывали фундамент будущих экономических и политических проблем Европы.

Во-первых, отдав оборону Европы на откуп США, европейские страны и ЕС в целом стали терять суверенитет. Последним бастионом военной самостоятельности европейцев была Франция при Ш. де Голле; с тех пор Европа двигалась исключительно по пути перекладывания ответственности за свою оборону на НАТО, понимая при этом, что за НАТО отвечают американцы. Основная идея Европы по поддержанию своего международного авторитета сместилась с идеи наличия эффективной военной силы в сторону концепции «нормативной силы». Эта концепция довольно проста и состоит из двух компонентов. С одной стороны, поскольку Евросоюз выглядел привлекательно в глазах многих внешних наблюдателей, многие народы и их правительства пожелали вступить в это объединение. Соответственно, таким странам можно было ставить условия вроде «вы можете вступить только если...». С другой стороны, ЕС был и продолжает оставаться одним из самых привлекательных рынков в мире, и почти все компании желают так или иначе работать на этом рынке. Соответственно, им тоже можно ставить условия: «мы позволим вам работать с ЕС только если...». Сама по себе концепция «нормативной силы» неплоха, но она не должна становиться самодовлеющей: другие компоненты силы, в том числе военная компонента, по-прежнему остаются востребованными в мировой политике.

Во-вторых, уже с 1950-х годов Европа начала массово завозить трудовых мигрантов. Определенное количество мигрантов, прежде всего из колоний, присутствовало в Европе всегда, но они составляли незначительную долю населения, и их присутствие в целом никак не влияло ни на культурный облик, ни на социальную структуру обществ европейских стран. Бурный экономический рост, начавшийся в Европе после Второй мировой войны, вкупе с демографическими потерями, особенно ощутимыми в Германии, потребовали множества новых рабочих рук. Немецкая модель иммиграции предполагала временное пребывание в стране иностранных рабочих, французская и британские модели ставили перед собой другие цели, в том числе – ассимиляцию приезжих. В итоге ни одна из этих моделей не сработала. Иммигранты не уехали и не ассимилировались. Европейские страны стали этнически и социально разнородными. В крупных городах образовались инородные анклавы, присутствие мигрантов перегрузило системы социального государства европейских стран, а надежды на то, что мигранты внесут свой вклад в экономическое развитие Европы и компенси-

рут выбытие коренной рабочей силы реализовались лишь в малой степени. Миграционные кризисы 2015 и 2022 гг. усилили эти тенденции. При этом Европа находится под жестким прессом демографического перехода. Население стареет, рождаемость падает, коренное население сокращается, причем в некоторых регионах Европы, например, на Юге и на Востоке, сокращение коренного населения идет очень быстро.

В-третьих, Европа относительно небогата природными ресурсами, а те, что были, оказались в значительной степени выработаны за столетия экономической деятельности. Европа все больше зависит от импорта сырья, а ее экономики, особенно немецкая, – от экспортных рынков. На протяжении «счастливых» десятилетий Европа успешно решала эту проблему в сотрудничестве с Советским Союзом / Россией. Восточный сосед, не имея других объемных экспортных рынков, был готов продавать европейцам сырье и энергию по самым «дружеским» ценам, часто ниже мировых. Собственно, говорить о мировых ценах в таких секторах экономики как, например, трубопроводные поставки газа, невозможно в принципе, поскольку такие рынки формируются транспортной инфраструктурой и в полной мере рынками не являются. Тем не менее Европа имела дешевые сырье и энергию вкупе с объемными экспортными рынками для своей промышленности. Эти факторы обеспечивали конкурентоспособность европейской экономики, и ситуация в целом устраивала обе стороны, хотя недовольные таким сотрудничеством были как в Европе (они считали, что СССР / Россия вообще не имеют права на владение этими ресурсами [Pipes, 1974]), так и на Востоке (многим не нравилась роль СССР / России как «сырьевого придатка» Европы [Горбачев, 1991]). Тем не менее сотрудничество продолжалось десятилетиями, пока не было разрушено конфликтом в сфере безопасности, формально – конфликтом на Украине. Результатом госпереворота в Киеве стала полномасштабная война, а Европа лишилась доступных ресурсов с Востока. Конкурентоспособность европейской экономики стала снижаться, европейцы начали экономически проигрывать не только Китаю, но и Соединенным Штатам.

В-четвертых, европейская интеграция, экономическая и отчасти политическая, была призвана укрепить экономику Евросоюза, его международную акторность и конкурентоспособность. Европейцы поставили во главу угла нормативную интеграцию,

принятие единых для государств-членов объединения норм в разных областях жизни, прежде всего – в экономической. Судя по всему, брюссельская бюрократия в борьбе за единство и порядок зашла слишком далеко. Европейские промышленники жалуются, что разного рода разрешительные процессы и согласования, в том числе экологические, занимают в ЕС в разы больше времени, чем в экономиках главных конкурентов – Китая и США. Бюрократия, зарегулирование всего и вся в ЕС сегодня, наряду с дорогой энергией и плохой демографией, является одним из «камней», тягущих экономику ЕС вниз.

Проблемы в экономике влекут за собой обострение социальных проблем и обещают дальнейший рост политической нестабильности. Неоднозначный результат дали и несколько волн расширения Евросоюза, начиная с 2004 г. С одной стороны, формально ЕС прирос территориями, населением, ресурсами. С другой стороны, ЕС становится все более гетерогенным, объединяет государства с разными экономиками, разными экономическими интересами, страны с неодинаковыми внешнеполитическими взглядами, страны культурно разные. Множеству очень несхожих членов ЕС становится все сложнее находить компромиссы, что и продемонстрировали внутренние разногласия в Евросоюзе, – например, по поводу украинского кризиса.

В-пятых, дух и идеология, нежелание принять новые реалии являются важнейшими факторами, действующими на траекторию развития Европы. Давно минули те времена, когда европейский социум руководствовался ценностями, которые Макс Вебер охарактеризовал как протестантскую этику (хотя это касается и католиков). Сегодняшний европеец по возможности гедонист и перерабатывать не желает. Экономические системы богатых европейских стран пока еще обеспечивают приемлемый уровень жизни почти для всех, поэтому у большинства населения просто нет стимулов стараться, перерабатывать, делать карьеру, заводить свое дело, брать на себя ответственность. Оказалась во многом «придущена» здоровая агрессивность, которая в свое время гнала европейских авантюристов за моря, а европейских капиталистов заставляла внедрять в производство рискованные инновации. Глубоко укоренились идеи всякого рода «толерантности», европейцы спокойно взирают на то, как их национальные культуры прекращают свое существование, а их нации превращаются в многоцветную смесь. Более того, они полагают, что и другие народы

должны вести себя так же. Важным фактором стала абсолютная уверенность определенного числа европейцев в том, что они представляют собой вершину развития человечества.

Европа как международный актор присвоила себе роль морального судьи и международного арбитра, учредила не признанные ни одной великой державой «международные институты» вроде Международного уголовного суда. Декларируя главенство прав человека и демократии, ЕС придерживается совершенно эгоистической позиции в мировой торговле и реализует свои инициативы вроде «зелёного перехода» исключительно в собственных интересах за счет интересов других стран.

Еще один существенный момент, похоже, состоит в том, что у нынешних европейских элит либо полностью исчезла способность к критическому мышлению, либо они откровенно лгут. Они не желают признать, что времена, когда мировые финансы обращались в Лондоне, британские и французские корабли правили морями, а в Европе сформировался класс «дженрльменов», которые в целом ничего не делали, но при этом жили хорошо, и мир вертелся вокруг Европы, уже не вернутся. Более того – не вернутся даже те времена, когда британский пролетарий получал зарплату в 50 раз больше, чем за ту же работу получал китайский рабочий. Европа сегодня – лишь один из мировых центров. У Европы имеются могучие конкуренты, а в мире недостаточно ресурсов, чтобы хватило на поддержание высокого уровня жизни и в США, и в Китае, и в Европе.

Уже понятно, что идея отобрать ресурсы у России (в широком смысле) вместо того, чтобы их совместно осваивать в рамках «Европы от Лиссабона до Владивостока», оказалась не просто плохой, но и ошибочной. До определенного момента такая политика действительно работала, ЕС «подмял под себя» рынки Центральной и Восточной Европы, большей части Балкан, стран Балтии, прирос территориями, хотя ценность этих приобретений не всегда очевидна и порой видится как обременение. В европейском «новоязе», конечно, эта экспансия называлась «шаги навстречу демократическим чаяниям народов», и доля истины в такой интерпретации, кстати, тоже есть. Другой вопрос, стал бы ЕС действовать вопреки своей выгоде, как он ее понимал, опираясь исключительно на «демократические чаяния»?

Как бы то ни было, следующий шаг ЕС и НАТО был сделан в попытке захватить действительно ценный «приз» как с точки

зрения ресурсов и объема рынка, так и с точки зрения ключевых позиций в области безопасности на континенте. Помимо прочего, при этом имелось в виду и стратегическое ослабление единственного самостоятельного игрока в регионе, способного противостоять ЕС / НАТО, – России. Европейские стратеги прекрасно помнили слова З. Бжежинского о том, что без Украины Россия перестанет быть евразийской империей [Brzezinski, 1998]. С подобными амбициями Москва мириться не стала, поскольку для нее Украина является не только важнейшим экономическим ресурсом, но и ключом к обеспечению безопасности России на западном направлении.

В какой ситуации Европа находится сегодня, и в каком направлении она может двигаться в будущем?

Внутренняя ситуация в Евросоюзе сегодня характеризуется двумя основными моментами.

Во-первых, политически Евросоюз все еще достаточно консолидирован, однако сохранению статус-кво потенциально угрожают несколько факторов. На внутриполитическом уровне, с одной стороны, все ярче проявляются противоречия между отдельными членами ЕС и европейским «мейнстримом» по таким вопросам как иммиграционная политика, импорт энергоносителей, выстраивание торговых отношений с geopolитическими соперниками ЕС, оказание финансовой и военной помощи Украине. В настоящий момент выступления представителей «фронды» Евросоюзу системно не опасны, хотя и мешают выработке консолидированной позиции и быстрому принятию решений по тем или иным вопросам. Вместе с тем в зависимости от внутренней политической динамики в странах – участницах объединения «фронда» может усиливаться и превратиться в структурную проблему ЕС. С другой стороны, важным моментом является постепенное возрастание роли правых партий, причем не только в отдельных государствах – членах ЕС, но и на уровне Евросоюза в целом. Так, центристской коалиции в Европарламенте при голосованиях все чаще приходится привлекать в союзники правых, что способствует укреплению позиций правых партий на политическом олимпе ЕС. В социально-политическом плане европейское общество постепенно меняется, что соответствует и общемировым тенденциям: постепенно сжимается средний класс, растет прекариат, меняются традиционные модели занятости и семьи. Такое развитие событий определенным образом подрывает избирательную базу левых и центристов и дает новые возможности правым.

На международном уровне положение ЕС достаточно сложное. С одной стороны, ЕС ощущает, что США утрачивают интерес к европейским делам, стараются снять с себя ответственность за исход украинского конфликта, стремятся переложить на европейцев расходы на оборону Европы и на ведение войны на Украине (снижение американского присутствия особенно заметно, в частности, в Польше и Румынии). Европейцы больше (или, по крайней мере, пока) не могут рассчитывать на идеологические и ценностные узы, связывающие их с Соединенными Штатами, а по многим вопросам США занимают сейчас откровенно конкурентную позицию, пытаясь поправить свое экономическое положение за счет европейцев. С другой стороны, Европа недостаточно самостоятельна, чтобы игнорировать требования США, например, по ограничению технологических и иных связей с Китаем. А такие ограничения будут губительны для ЕС, поскольку Китай является главным торговым партнером Евросоюза и очень крупным инвестором. После разрыва с Россией экономика ЕС может и не перенести разрыва связей еще и с Китаем.

Во-вторых, из-за своей недальновидности и стратегического высокомерия, Европа получила на своих восточных границах большую войну и сейчас эту войну медленно проигрывает. Словесная мишуря, громкие заявления о свободе Украины и вечной агрессивности России скрывают наличие вполне конкретных вопросов по поводу европейской политики последних десятилетий. Россия требует прекратить экспансию европейских и натовских структур на восток, признать, что у РФ имеются зоны собственных интересов (нечто вроде доктрины Монро), и восстановить целостность комплексной и равноправной системы безопасности – уже не только в Европе, но и во всей Евразии.

Европейские глобалисты на такие требования согласиться не могут в принципе, а вот европейские националисты, которые постепенно укрепляют свои позиции, в этом вопросе могут проявить большую гибкость. Нынешние европейские лидеры не хотят, да и не могут принимать миротворческие решения. В случае поражения Европы (а никак иначе исход украинского конфликта назвать будет нельзя) они начнут искать виноватых и быстро найдут. Более того, в таком случае в Европе не исключен гигантский политический обвал и массовый приход к власти иных политических сил. На победу над Россией, судя по всему, сегодня в Европе уже мало кто надеется, сейчас основной приоритет – зафиксировать ничью

или хотя бы затянуть конфликт до истечения полномочий нынешней верхушки Евросоюза, чтобы последствия конфликта расхлебывало следующее поколение политиков.

Внешнеполитические интересы ЕС не ограничиваются отношениями с США и борьбой с Россией. Другие важнейшие направления – Латинская Америка (в декабре 2024 г. Европейский союз заключил соглашение о создании зоны свободной торговли с МЕРКОСУР) и арабский мир, с которым у Европы существуют плотные финансовые и энергетические отношения. Оба направления имеют для ЕС достаточно высокий приоритет, и оба направления несвободны от специфических проблем. Торговое соглашение с МЕРКОСУР многие аналитики считают достаточно спорным, но европейские фермеры активно выступают против него, так как опасаются конкуренции со стороны латиноамериканской сельхозпродукции. Арабские государства (прежде всего – монархии Персидского залива) активно сотрудничают с ЕС, однако обращают внимание и на определенные политические «раздражители», – такие, например, как угроза конфискации российских суверенных активов, что в перспективе может создать прецедент, опасный и для других стран, или идея ввести «зеленые» пошлины на импорт энергоносителей из государств Залива.

В экономической сфере перспективы Европы достаточно неопределенны. Лишь будущее покажет, что происходит сейчас на самом деле: осуществляется ли европейская экономика структурную перестройку, из которой выйдет обновленной и конкурентоспособной, или плавно «идет на посадку» и уже никогда не вернется в высшую лигу. Европейская экономика уже давно замедляется, показывая порой нулевой (или даже отрицательный) рост. Сами европейцы указывают причины такой ситуации: дорогие сырье и энергоносители, зарегулированность и высокие транзакционные издержки, плохая демография, отставание в инновациях от основных конкурентов, высокие социальные (а теперь еще и оборонные, и внешнеполитические) расходы [An investigation ..., 2024].

Некоторым из этих вызовов ЕС пытается противостоять. Создаются фонды для стимулирования экономического роста, делаются попытки ослабить регулирование бизнеса (хотя не очень успешные, судя по всему). Запускаются программы разработки и внедрения инноваций, особенно в области ИИ. Свою демографическую ситуацию ЕС вряд ли сможет улучшить, так как, во-первых, никто еще не придумал, как бороться с последствиями

демографического перехода, и, во-вторых, европейцам вряд ли удастся повернуть вспять демографическую и иммиграционную политику прошлых лет. Неясно, даст ли в итоге какой-то эффект стратегия «зелёного перехода», которая задумывалась и как технологический драйвер, и как политический инструмент для борьбы с экономически более успешными государствами-конкурентами. Формально ЕС не отказывается от «зелёной» повестки, но насколько успешно она реализуется и какие экономические и политические результаты дает, пока непонятно. Неочевидно также, что будет ли эта стратегия продолжена будущим руководством Евросоюза. Пока в энергоемких отраслях промышленности, автомобилестроении, энергетике, большой химии наблюдается очевидный кризис. Оптимисты в Европе говорят, что это хорошо и естественно, что на смену старой промышленной экономике придет новая, современная технологичная экономика, но масштабных перемен в экономике пока нет.

***

Сейчас Европа, точнее Европейский союз, находится в не-привычной для себя ситуации: незыблемые ориентиры сдвигаются, окружающий мир меняется, а сами европейцы не полностью едины и не всегда согласны между собой по вопросу о том, что нужно делать. Европа в некотором смысле «пожинает плоды» десятилетий сырой и беззаботной жизни, которая, казалось, продлится вечно. Сегодня приходится расплачиваться и за делегирование Соединенным Штатам обязанностей по обороне, и за раздутые социальные обязательства, и за безответственную иммиграционную политику, и за чрезмерный гедонизм. Вряд ли Европа рухнет под тяжестью нынешних проблем, но уже ясно, что так как раньше, уже не будет.

Литература / References

Gorbachev M.S. (1991). Августовский путч : причины и следствия. – Москва : Новости. – 96 с. [Gorbachev M.S. (1991). The August putsch : causes and consequences [Augustovskii putch : prichiny i sledstviya]. – Moscow : Novosti. – 96 p.]. (In Russian).

An investigation into the economic slowdown in the euro area. (2024) / de Soyres F., Garcia-Cabo E., Lott M., Machol C., Richards K. ; Centre for Economic Policy Research (CEPR). – London. – 13.12. – URL: <https://cepr.org/voxeu/columns/investigation-economic-slowdown-euro-area> (date of access: 09.12.2025).

Brzezinski Z. (1998). The grand chessboard : American primacy and its geostrategic imperatives. – New York : Basic Books. – 240 p.

Pipes R. (1974). Russia under the old regime. – New York : Charles Scribner's Sons. – 360 p.

DOI: 10.31249/ape/2026.01.01

© Bratersky M.V.¹

Introduction. A «photo» of Europe in motion

Abstract. This article introduces a thematic volume of the journal «Current problems of Europe» that examines perspectives on Europe's development as perceived by both Europeans and external observers. The volume focuses on general issues of domestic and foreign policies of the European Union as a whole and of its key members, as well as on specific topics related to security issues, the implementation of artificial intelligence, the development of defense technologies, and the European Union's relations with Great Britain and the United States of America.

As is often the case, Europeans themselves view the unfolding situation much more positively than external observers. The materials presented in this volume show that the outside world conditions further relations with the European Union on its ability to overcome economic and political challenges. At the same time, the Europeans are quite actively seeking ways to overcome current problems and are trying to implement new ideas in the economy, technology, military capability development, and the consolidation of international influence.

Keywords: European Union, EU domestic and foreign policy, economic development, Russia, USA.

Статья поступила в редакцию (Received) 20.11.2025

Доработана после рецензирования (Revised) 21.11.2025

Принята к публикации (Accepted) 28.11.2025

---

¹ Bratersky Maxim Vladimirovich – ScD in Political Sciences, Professor, Department of International Relations, HSE University.